БЮДЖЕТ МАРИАННЫ

Французская газета «Монд» сообщает, что в 1952 году военные расходы Франции превысят полтора триллиона франков.

— И это — всё, что осталось мне на хозяйство!!.

Рис. В. КОНОВАЛОВА

КРОКОДИЛ

№ 10 (1300) МОСКВА 10 АПРЕЛЯ 1952

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXX

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

КАНДИДАТ В РАЙ

ХОРОШО было предкам Макартура и Риджуэя!

Как легко было одерживать победы двести, сто лет тому назад!..

Бывало, какой-нибудь забулдыга на юге или западе Америки хочет проучить своего противника. Он машет руками, скрежещет зубами, вращает белками глаз. Идёт в психическую атаку на врага. Извергает поток угроз. Хвастается силой. Орёт:

— Я аллигатор, получеловек, полулошадь! Я могу уложить любого человека, который встретится мне на Миссисипи! Клянусь богом!

И иногда, представьте, это хвастовство производило эффект. Противник бледнел от страха, уклонялся от поединка, отдавал победителю контрибуцию. За горлопаном утверждалась репутация сверхчеловека.

Прошло то золотое время. Потомкам приходится хуже, чем предкам.

Возьмите Макартура. До каких геркулесовых столпов хвастовства доходили генерал и его подручные! Каким титаном изображался этот главный полицейский в столице поверженной «Страны восходящего солнца»! Не было там никого сильнее, грознее, гениальнее американского ставленника. Суеверным и трусливым людям казалось, что японское солнце утром поднимается из-за полицейской будки Макартура и вечером садится за эту же будку, а не погружается в воды Великого океана.

Корею стращали Макартуром:

— Вот наш генерал скоро приедет на полуостров — и вы падёте на колени перед ним! Ему покорился юг, ему покорится север. На нём не треугольная шляпа и не серый походный сюртук, но по сравнению со львом Макартуром Наполеон — щенок. Трепещите и покоряйтесь, ибо нет в наш век стратега гениальней Макартура!

Корея не испугалась. Народ маленькой страны дал такой пинок Макартуру, что хвалёный американец живо полетел со своей вышки. Сейчас битому стратегу нет места даже в полицейской будке. Надо полагать, отставной вояка пишет теперь мемуары, косится в сторону Риджуэя, завидует преемнику:

— Ему Белый дом помогает больше, чем мне! Мне чумных блох не дали, сколько я ни просил, ни требовал. Сакраменто! А кто выдумал чумную блоху? Я, Макартур, вместе с японским императором. Забыли мой приоритет!

Но и генерал Риджуэй не посеял паники в «Стране утренней свежести».

Прошло золотое время, когда его предки лихо расправлялись с безоружными индейцами. Уже нет на земной планете людей, которых можно запугать брехнёй. Когда в прошлом веке член конгресса Давид Крокет (штат Теннесси) уверял, что он высекает огонь из руки, чистит зубы вилами и приносит домой тигрят, простодушные фермеры верили этим басням и даже преувеличивали их. Для чего? Для того, чтобы туземцы трепетали перед бледнолицым дьяволом, нагрянувшим в дремучие леса и на заповедные берега рек в жажде золота и крови.

Нет, Риджуэю не помогло психическое наступление. Не помогли ему и миноносцы, танки, самолёты. Героический народ Кореи заставил его армию топтаться на одном месте перед стальной стеной сопротивления.

Зачумлённая блоха и ядовитый комар тоже не принесли предводителю коричневой орды желанных лавров.

К тому же комар и блоха — оружие обоюдоострое. Эти насекомые не подчиняются генеральскому приказу. Они могут укусить не только безоружного крестьянина в корейской деревне. Они могут добраться до самого генерала. Комар и блоха суть насекомые-космополиты. Они не считаются с государственными границами, с демаркационными линиями. Чума, холера, тиф, которые несут на своих крыльях насекомые, могут поразить офицеров и солдат Риджуэя.

Рис. Бор. Ефимова

Но не эта простая мысль в последние дни посетила многие головы в Соединённых Штатах. И не поэтому государственные мужи стали яростно чесать в затылках. Смущает их другое — всемирная волна гнева и негодования народов.

Мы уже как будто стали забывать о том, что есть на белом свете господин Трюгве Ли. Знаем, что он длительное время занимает должность генерального секретаря ООН. Помним, что во время оно Трюгве Ли благословил Макартура на военные подвиги в Корее и снабдил его для пущей важности флагом ООН. Но как ни пыжился Трюгве Ли, как ни лез он в историю нашего времени, ничего славного и даже сколько-нибудь примечательного из этого не выходило.

Но вот Трюгве Ли в последние дни решил напомнить о себе. Живёт, дескать, в Вашингтоне он, Трюгве Ли, норвежец по национальности, пьёт, ест, получает жалованье. И получает, мол, не даром.

Трюгве Ли высказался по поводу бактериологической войны в Корее. Он хочет нажить себе моральный капиталец на этой войне. До него дошли слухи о том, что на Корейском полуострове люди болеют заразными болезнями. Трюгве Ли готов выступить в роли благородного борца с эпидемиями. Он обратился к министрам иностранных дел Кореи и Китая со своим посланием.

В послании говорится, что в составе ООН есть Всемирная организация по вопросам здравоохранения, возглавляемая доктором Бруком Чисхолмом. У этой организации есть задача — «оказывать необходимую помощь в чрезвычайных условиях». Трюгве Ли пишет, что такая помощь может быть оказана населению Кореи и Китая, находящемуся под угрозой эпидемий. Правда, он оговаривается, что помощь «будет ограничена имеющимися финансовыми ресурсами». Но лиха беда — начало! Главное, своим посланием он совершает акт милосердия. Его прошибает слеза. Как истый христианин, он спешит на помощь страждущим. Да сжалится, мол, небо над корейскими стариками, женщинами и детьми! И да увидят с небес фигуру Трюгве Ли, оценят его добродетели...

Так он пишет, и таким он прикидывается. И, заметьте, ни словом не осуждает бактериологическую войну. Подражает, видимо, Ачесону старый, прожжённый политикан. Он меньше всего заботится о здоровье народов Кореи и Китая,— ведь он помогал и Макартуру и Риджуэю в военном походе. Слёзы Трюгве Ли — крокодиловы слёзы. «Помощь» Ли — это диверсия. Для Всемирной организации здравоохранения он планирует роль официальной шпионской группы.

Ах, какое мы, впрочем, тёмное пятно бросаем на репутацию Трюгве Ли! Ведь своим посланием генеральный секретарь ООН заявляет себя в качестве претендента на почётное место в лоне христианского рая!

Вспоминается нам юмористический рассказ Марка Твена «Письмо ангела-хранителя». Герой рассказа Эндрью Лэнгдон, торговец углем, верил в загробную жизнь и мечтал о вечном блаженстве. В земной жизни творил он много грехов: лицемерил, подличал, надувал ближнего, обожал доллары, — словом, по свидетельству Твена, был гнуснейшей гадиной. Всё это, понятно, не мешало ему уповать на своего ангела и надеяться быть прощённым.

Ангел писал торгашу: «Авраам, рыдая от обуревавших его чувств, приготовился упокоить вас в своём лоне и даже вывесил ярлычок: „Занято и оплачено". А Пётр-ключарь, проливая слёзы, сказал: „Пусть он только прибудет, мы устроим факельное шествие". И когда стало доподлинно известно, что вас ждёт райское блаженство, небывалое доселе ликование воцарилось в раю. В аду — тоже».

Не ждёт ли такая участь и почтенного христианина Трюгве Ли?

И. РЯБОВ

Агрономы Красногорской МТС (Московская область) редко бывают в колхозах и никакой работы по подготовке к весеннему севу не проводят.

— Снегозадержание провели, семена очистили... Теперь осталось провести ещё одно агромероприятие: вытащить на поле нашего агронома!

В МТС Молдавской ССР забраковано и поставлено на повторный ремонт более четверти всех машин.

— Апчхи!
— Будь здоров!
— Моё здоровье целиком зависит от тракториста, а не от меня!

Гора родила мышь... и не одну.

В колхозе имени Алии Молдагуловой (Казахская ССР) заготавливают и собирают удобрения, но они на поля не попадают.

Навозну кучу разрывая, петух нашёл... навоз 1946 года.

В Любодицком колхозе имени Сталина (Бежецкий район, Калининской области) фуражиры редко пользуются весами. Сено они отпускают возами, а солому совсем не учитывают.

— Для пресечения бесхозяйственного расходования кормов с завтрашнего дня корма будет отпускать дядя Архип: у него глаз наметан

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

Наблюдаются случаи мягкого отношения со стороны администрации к нарушителям трудовой дисциплины.

— С Михеевым об опоздании я поговорю, а с Филаткиным разговаривать бесполезно: он каждый день опаздывает!

С. МАРШАК

Сирень

Колесникову Леониду Алексеевичу начальнику колонны 1-й автобазы Всесоюзного треста торгового транспорта присуждена Сталинская премия за выведение большого числа новых сортов сирени.

Сирень без конца воспевали,
Кому только было не лень.
Но знали поэты едва ли,
Как делают люди сирень.

Влюблённые всех поколений
Сидят с незапамятных дней
Под веткой душистой сирени,
Не думая много о ней.

Густые, упругие кисти
Зовут нас в прохладную тень.
Но люди решили душистей
И праздничней сделать сирень.

Таким садоводом-кудесником,
Вступившим с природою в спор,
Был скромный товарищ Колесников —
Механик, а прежде шофёр.

Любитель машин и растений
В ненастный и солнечный день
Трудился над гаммой сирени,
Свою сочиняя сирень.

Он не был в Сельхозакадемии,—
Водитель, начальник колонн,—
Но славною Сталинской премией
Он был за цветы награждён.

Каналы, плотины и шлюзы
Без устали строит страна.
А всё же народам Союза
И ветка сирени нужна.

Не только счастливым влюблённым
Мила её нежная сень,—
Нужна и мила миллионам
Цветущая бурно сирень!

Рис. Б. ФРИДКИНА

В ПЫЛУ АЗАРТА

Это было не так давно в селе Нарынкол, Алма-Атинской области. Во дворе потребсоюза, взмокнув от административного восторга, командовали председатель правления тов. Утегенов и заведующий торготделом тов. Строгунов:

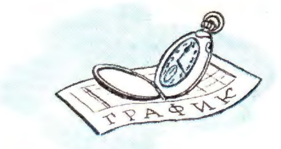
— Руби! Жги! Режь! Коли!

Наблюдавшие эту батальную сцену граждане выяснили следующее: в складе производилась инвентаризация. Следовало убрать и уничтожить хлам, согласно списку, составленному специальной комиссией. Но Утегенов, при активном содействии Строгунова, войдя в воинственный азарт, изрубил и сжёг вполне годные дефицитные в районе учебники.

Во время процесса сжигания учебников деятели из районного потребсоюза так начадили, что неприятный запах от всего этого дошёл даже до нас.

НА ПЕРЕКАТАХ

(СО ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ЭКСПЛУАТАЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ МИНИСТЕРСТВА РЕЧНОГО ФЛОТА)

1

«ГРАФИК срывается!» Слова эти, пожалуй, чаще других можно было слышать на Всесоюзном совещании эксплуатационных работников Министерства речного флота в марте этого года. Не без связи с ними в своём докладе министр речного флота тов. Шашков припомнил некую не лишённую интереса историю.

Случилась она прошлым летом ночью на Иртыше. Сонная река вдруг огласилась командой и неистовыми криками:

— Лево руля!.. Полный вперёд!

— Стоп!.. Право руля!

— Лови её! Топи её!

Огромный, пароход, разрезая темноту лучом прожектора, бешено закружился по реке. А в ослепительной полосе света металась виновница переполоха — дикая козочка. Над кипящими волнами мелькали её острые рожки. Бедняжка кинулась в воду от волка, да попалась на глаза лихому капитану парохода «Стасова» Дорогину. Коза всё же ушла от незадачливых ловцов, но из-за весёлой охоты пароход опоздал на полсуток.

— Дисциплинка, дисциплинка хромает,— делал вывод докладчик.— Вот бич графика!

Горький, но безошибочный вывод. Он тем более неоспорим, что складывался как бы исторически.

«Вследствие слабой трудовой дисциплины и расхлябанности среди руководящих кадров некоторых пароходств... нарушались графики и расписания...» — гласил приказ министра № 46 по итогам навигации 1949 года.

«Вследствие слабой трудовой дисциплины»,— эхом отзывается приказ № 44 по итогам навигации 1950 года.

Содержались в этих приказах, конечно, и строгие пункты против нарушителей дисциплины, но пока...

Пока к истории о козе можно прибавить историю о фуражке капитана Иконникова, которая своевольно прыгнула с капитанской головы за борт теплохода.

— Не перенесу утраты! — воскликнул огорчённый хозяин.— Свистать всех наверх! Аврал! Пассажиры, отойдите от бортов!

Только с третьего захода коварная принадлежность туалета была выловлена и водружена на подобающее ей место. Кстати, мокрая, она приятно охлаждала разгорячённую хмелем голову капитана.

2

Пароход «Руслан» прошлым летом простоял с плотами в ожидании провожатого через Еланский перекат на Волге семь часов. Под Климовкой, где скопилось у переката шесть таких же плотоводов (был конец месяца, и Волжское грузовое пароходство штурмовало), «Руслан» простоял ещё семь часов, а на подходе к Куйбышеву вынужденно потерял полсуток...

— Не обгоняйте других, сбавьте ход! — то и дело твердили диспетчеры экипажу «Руслана» — инициатору соревнования за скоростную доставку грузов.

Получилось почти по Пушкину: «Руслан» томился молчаливо... и шагом ехал меж полей...

Тяжёлый путь испытаний прошла тем же летом баржа № 1824 Шекснинского пароходства. 12 августа она отправилась из Ленинградского порта, а только 26 октября в пункте назначения — Кинешме — с неё сняли последнюю тонну груза. Правда, на песчаных отмелях она в пути не застревала, но из двух с половиной месяцев рейса баржу почти месяц продержали без тяги на промежуточных стоянках, и более двух недель тянулась разгрузка в Кинешме.

Приказы министра со всей строгостью обрушивались и на простои судов и на их виновников, но...

Пока и у причалов в ожидании тяги и в ожидании самих причалов суда ежегодно простаивают несметные часы.

— Загораем! — говорят речники в такое время, будь то ночью или пасмурным днём.

— А что мы поделаем? — разводят руками работники портов.— С диспетчеров спрашивайте: они подают суда на разгрузку пачками. А мы-то... у нас всё в порядке!

— Нет, не всё! — возражают им диспетчеры. — Вон в Среднеазиатском пароходстве портовые механизмы используются только на две трети. Какие же это порядки? Из-за этого суда и простаивают.

3

На недавнем эксплуатационном совещании в Москве бичевались хронические болезни навигаций прошлых лет, произносились убедительные речи в защиту графика, звучали обещания.

А тем временем на Аму-Дарье, на Чарджоуском перекате, застрял караван судов. Это событие не ускользнуло от внимательного взора главного инженера Чарджоуского участка пути тов. Сорокиной, производившей инспекторский смотр пути.

— Застряли? — удивилась тов. Сорокина.— Надо зафиксировать этот перекат.

Добросовестно исполнив данное намерение, она сочла свои обязанности исчерпанными. Помахав застрявшим судам платочком, спокойно отбыла дальше.

Вскоре на перекате образовалась пробка. Караваны судов растянулись по сверкающей зыби вод на километры. Нетерпеливые гудки пароходов понеслись по просторам реки вдогонку тов. Сорокиной.

— До-о-ро-гу-у!

— Зелёну-у-ю у-улицу! Мы везём срочные грузы на Тахиа-Таш!

* * *

С переката открылась навигация 1952 года.

Но надеемся, что приказ министра речного флота по итогам этой навигации не будет начинаться привычными словами:

«Вследствие слабой трудовой дисциплины... срывались графики...»

В. КУКАНОВ

НЕУСПЕВАЮЩИЙ

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

Некоторые районные руководители не заботятся о насущных нуждах народных учителей.

УЧИТЕЛЬ: — Неужели вы, товарищ председатель райисполкома, не в состоянии решить такую простую задачу!

Леонид ЛЕНЧ

Единственный СВИДЕТЕЛЬ

ВОШЛА жена и нерешительно сказала:

— Иннокеша, извини, но тебя... очень энергично просит Комов!

Доедаев Иннокентий Сергеевич, критик, поднялся из-за стола и, изобразив томное страдание на благообразном тонкогубом лице, пошёл в соседнюю комнату, где находился «враг рода человеческого» — так Доедаев называл телефон.

Критик снял трубку и сказал сдержанно и с достоинством:

— Я вас слушаю, Павел Петрович!

В трубке сейчас же зарокотал сочный баритон редактора журнала «Звено» Комова:

— Привет, Иннокентий Сергеевич! Я послал вам домой с курьером пьесу молодого писателя Гурьева «Перелом». Она вышла отдельным изданием. Надо срочно написать о ней статью для журнала. Вы читали «Перелом»?

— Нет...

— Прочтите и... оцените!..

Сердце критика неприятно ёкнуло. Почему срочно? И о молодом писателе? И почему именно он, Доедаев, должен оценить?

Иннокентий Сергеевич осторожно осведомился:

— А... кто читал этот самый «Перелом»?

— Народ, Иннокентий Сергеевич! Читатели!

— А... товарищи... тоже читали?

— Какие товарищи?

— Ну, хотя бы наши, из редакции... Василий Павлович читал?

— Не знаю. Он в командировке.

— Ах, да, да! А Фёдор Романович?

— В санатории.

— А пьеса эта где-нибудь шла?

— Кажется, нет.

— А вы, Павел Петрович, её читали?

— Я читал. Но мне интересно ваше мнение знать. Вы же у нас мастер точной (редактор ласково хохотнул), безопасной оценки. Вам и карты в руки!

Мастер безопасной оценки посмотрел в зеркало на своё, теперь уже окончательно расстроенное, поплывшее вниз лицо и, глотая вдруг набежавшую слюну, простонал в трубку:

— Освободите, Павел Петрович. У меня, кажется, грипп начинается. Не смогу!..

Но от Комова не так-то легко было отвязаться.

— У всех грипп! — снова зарокотал в трубке его жизнерадостный баритон.— У меня кончается, у вас начинается. Никаких отказов не признаю! Курьерша у вас будет с минуты на минуту. Прочтите — и за стол! Привет!

Первые же картины «Перелома» (это была пьеса из колхозной жизни) поразили и даже слегка испугали Доедаева. Что-то необычное, странно волнующее было в этом произведении молодого писателя. Оно было не похоже на те гладкие, ровные, как хорошо оструганная доска, пьесы, повести и рассказы, которые частенько приходилось читать Доедаеву и о которых он — с такой изящной лёгкостью! — писал свои статьи и рецензии, похожие на бухгалтерский отчёт: недостатков — столько-то, достоинств — столько-то, сальдо — в пользу писателя Н. Иногда, правда, сальдо получалось не в пользу писателя Н., и тогда Доедаев с пристойным прискорбием доводил об этом до сведения широких читательских масс.

А тут перед глазами критика проходила сама жизнь во всём её сложном, опьяняющем своеобразии. Герои «Перелома» трудились, страдали, любили, ссорились и мирились; положительные персонажи совершали ошибки и — можете себе представить! — не сразу понимали, что они ошиблись, а упорствовали в своих заблуждениях; отрицательные не легко и покорно уступали дорогу положительным, нет, они вступали с ними в конфликт, они боролись с ними; что касается местных руководителей, то они иногда — о ужас! — выносили неправильные решения, чем и пользовались отрицательные в своей борьбе с положительными.

И вот критику Доедаеву, мастеру точной, безопасной оценки, надо было сказать своё слово о такой пьесе! Было над чем призадуматься, тем более что автор её не принадлежал к категории увенчанных лаврами маститых писателей.

Прочитав пьесу, Иннокентий Сергеевич прежде всего занялся тем, что он называл «оперативной разведкой»: стал звонить критикам — своим знакомым и приятелям, чтобы узнать, что они думают о пьесе Гурьева. Приём старый, испытанный, но верный!

Результаты, однако, получились неутешительные. Один критик сказал, что он «Перелома» не читал, но по его блудливому тону Иннокентий Сергеевич понял, что критик соврал; другой признался, что читал, и при этом загадочно прибавил: «Да, знаете, твёрдый орешек»,— после чего ловко перевёл разговор на другие темы, а когда Доедаев попытался опять заговорить о «Переломе», повторил: «Да, да, твёрдый орешек, твёрдый!» — и снова пустил разговор под откос. Так из «оперативной разведки» ничего и не вышло. Что касается Комова, то он уехал работать на дачу и через секретаршу передал Иннокентию Сергеевичу, что вернётся через четыре дня и просит написать рецензию к этому сроку.

Промучившись два дня, Доедаев вечером третьего сел писать рецензию. Он сидел за письменным столом, над которым, как бы осеняя сидящего, висел на стене большой фотопортрет Белинского, и обдумывал свою будущую статью. Главное — написать первую фразу, а там уж пойдёт...

Прошёл час, но рецензия не вытанцовывалась. О «Переломе» нельзя было написать в обычном для Доедаева увёртливом стиле: ни да, ни нет. О пьесе Гурьева надо было написать так же страстно, как была написана сама пьеса. «Да» критика должно было звучать так же убеждённо и горячо, как и его «нет». Доедаев понимал это, и собственное бессилие раздражало и мучило его. Он позвал жену и попросил крепкого чаю.

Жена сказала ласково:

— Трудно, Иннокеша?

— Ох, трудно, Настасья!..

— Но ты же говорил, что пьеса очень острая. Вот ты и оцени её... с точки зрения нашей советской жизни, которая... Что ты на меня так смотришь?

— При чём здесь жизнь?

Чай был выпит, но дело не двигалось вперёд.

Критик растерялся. То, что он должен был оценить, не помещалось на хрупких и узких полочках его представлений о жизни. К растерянности примешалось и чувство странного раздражения. Ох, уж этот молодой Гурьев с его проклятым «Переломом»! Так всё было хорошо, удобно, уютно, бесконфликтно, и — на тебе! — ни с того, ни с сего возник такой неприятный конфликт! И с кем? С каким-то никому не ведомым Гурьевым. Он же явно покушается на его, Доедаева, безоблачное и благодушное существование!..

Чем больше размышлял Доедаев, тем больше нервничал. И вдруг всё понял: то, о чём пишет Гурьев, не типично. О таких фактах можно и нужно писать, но — в лучшем случае — докладные записки, с надписью сверху, в правом углу: «Секретно». И обязательно с точным упоминанием фамилий, имён и отчеств. Но писатель не обследователь, не особоуполномоченный. Да-с!..

Доедаев сам не заметил, как перо его окунулось в чернильницу и быстро забегало по бумаге. Чувство вдохновения овладело критиком. Предостерегающими столбами вставали в его рукописи патетические восклицательные знаки, пугающие многозначительные многоточия предупреждали и пресекали. Доедаев обвинял молодого писателя в... незнании жизни и даже в клевете на действительность! Глаголы «извращает», «опошляет», «искажает» и «неверно преломляет» так и сыпались с его пера.

Кончил писать он поздно и спал тревожно и плохо. Утром жена принесла газеты и сказала, что курьерша из «Звена» уже пришла и ждёт в передней. Иннокентий Сергеевич велел отдать рукопись посланнице Комова, а сам развернул газету и... тотчас же увидел подвальную статью на второй странице, в которой известный критик подробно разбирал пьесу «Перелом» молодого писателя Гурьева. Опытный глаз Доедаева мгновенно схватил эпитеты «талантливая», «острая», «свежая», «жизненная». Мастер точной, безопасной оценки почувствовал противную дрожь во всём теле. Однако он мгновенно взял себя в руки и как был, в белье и босиком (тут уж было, как говорится, не до штанов!), выскочил в переднюю.

— Где она?! — закричал он так отчаянно, что жена побледнела и схватилась за голову.

— Боже мой! Кто она, Иннокеша?

— Курьерша!

— Ушла!..

— Верни!..

...Доедаеву повезло. Курьершу, заболтавшуюся внизу с лифтёршей, вернули. Иннокентий Сергеевич отобрал у неё свою рукопись и велел передать Комову, что статью он пришлёт часа через три,— дескать, дописывает. Он наскоро позавтракал, успокоился («Пронесла нелёгкая! В конце концов, ерунда, конечно, статья была же только написана, но не напечатана! Но... пошли бы разговоры, кривотолки. Что бы сказали в Союзе писателей? В секретариате? В секциях и подсекциях? В комиссиях и подкомиссиях?.. Да и Комов бы постарался изобразить происшествие в юмористическом духе... В общем, хорошо то, что хорошо кончается») и снова сел за письменный стол — писать рецензию на «Перелом» заново.

Но — странное дело! — статья опять не вытанцовывалась. Казалось бы, теперь-то уж, когда всё было ясно, написать её не составляло никакого труда для Доедаева. Но вот, поди ж ты! Статья не шла! Что-то мешало Доедаеву, стесняло, держало за руку. И он никак не мог понять, что же мешает ему, до тех пор, пока не поднял голову и не вздрогнул, встретившись взглядом с глазами Белинского. Даже здесь, на фотографии, лицо Белинского поражало своим выражением желчи и скорби. Доедаеву показалось, что неистовый Виссарион смотрит на него с презрением. Иннокентию Сергеевичу стало не по себе.

Он оделся и вышел пройтись, чтобы немного освежиться и рассеяться. Ноги сами привели его в редакцию «Звена».

Редакция многоголосо гудела. Только и разговоров было, что о «Переломе» да о статье в газете.

На Иннокентия Сергеевича наскочил молодой критик Назаров, человек пылкий, задиристый и даже несколько восторженный. Доедаев его не любил и за глаза называл Бычком.

— Читали, Иннокентий Сергеевич? Что вы скажете по этому поводу?

— А я уже сказал! — ответил ему Доедаев, приятно улыбаясь и осторожно освобождая свой рукав из цепких пальцев Бычка. — Сегодня утром я закончил статью о «Переломе» по заказу Павла Петровича. Разворачиваю газету... полное совпадение в оценках.

— Конгениальность?

— Вот именно!..

Насмешливо-недоверчивое выражение лица молодого критика не понравилось Иннокентию Сергеевичу. Он вежливо, хотя и несколько иронически, поклонился Назарову и поспешил отделаться от него.

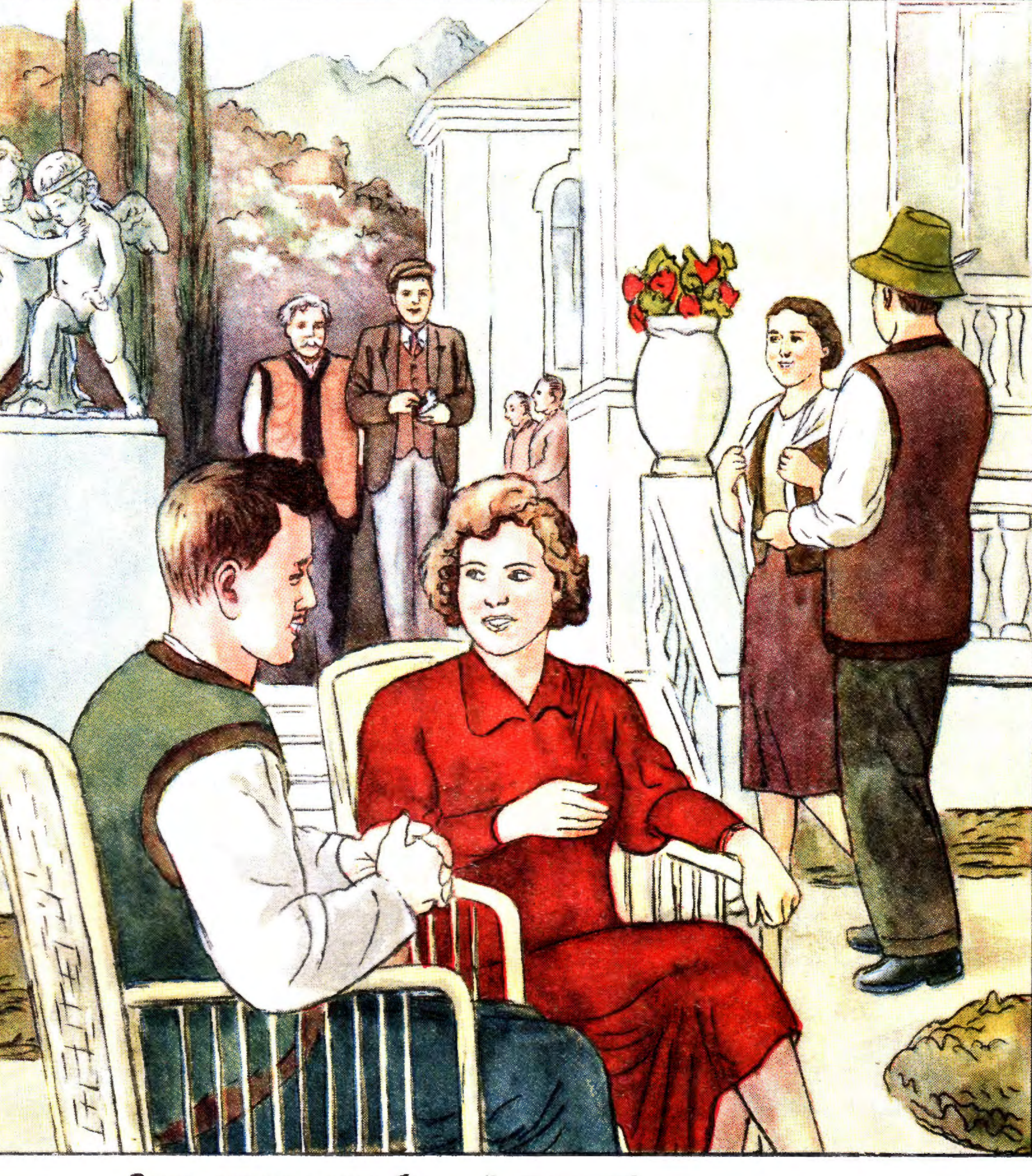
Уже совсем успокоившийся, солидный, с благообразным тонкогубым лицом, с застывшей на нём приятной вдумчивой полуулыбкой (такие полуулыбки живописцы средней руки изображают на своих автопортретах), он плавно ходил по редакционным комнатам, слушал разговоры, вставлял замечания и очень мило шутил. Он снова стал самим собой.

Иллюстрации В. ГОРЯЕВА

В ВЕНГЕРСКОМ ДОМЕ КУЛЬТУРЫ

Рис. Л. ГЕНЧА

В 1952 году в Венгрии намечено построить тысячу домов культуры.

— Здесь раньше жил богатый помещик!

— Ну, не богаче нас! У него был только один этот дом, а у нас таких домов с каждым годом становится всё больше и больше!

Сообщаем АДРЕСА

БЕЗ ТРЕСКА И ШУМА

Скромность — отличительная черта работников промартели «Музинструмент». Во всей работе они избегают излишнего шума и треска. Возьмём, к примеру, пионерские барабаны, изготовляемые артелью. Попробуйте выбить на них барабанную дробь. Не выйдет. Не только дробь, но даже мало-мальски приличный звук воспроизвести не удастся.

Работники артели додумались обтягивать барабаны обыкновенной обёрточной бумагой. Эффект от такого мероприятия получился необычайный. От лёгкого удара палочкой бумага рвётся, и барабан прекращает своё бренное существование.

Шлём свои приветствия активным борцам с шумом по адресу:

деревня Белозерово, Звенигородский район, Московской области, промартель «Музинструмент».

ОСОБЫЙ СОРТ

Работникам артели «Всеволожский химик» показалось, видимо, малопривлекательным изготовлять нормальную бумагу для пишущих машинок. Они решили порадовать глаз машинисток и стали выпускать бумагу, испещрённую всевозможными фантастическими узорами. И вот в результате недолгих трудов в продаже появился совсем особенный сорт бумаги, резко отличающийся от обыкновенной.

Если вам попадётся бумага со вмятинами, складками, пунктирами, проведёнными острым предметом, совершенно непригодная для работы на машинке, знайте, что её изготовила

артель «Всеволожский химик», Ленинград, Уткин пр., 2.

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

Две встречи

Антон Фомич попал впросак.
Как это с ним случилось?
Так:
Он битый час с тоскливой миной
Ждал у парадного машины
И был порядком раздражён:
Жена к портнихе укатила
И, вероятно, позабыла,
Что им пора на стадион!
Он слал ей мысленно проклятья.
Изволь-ка ждать здесь целый век!..

И вдруг к нему, раскрыв объятья,
Бежит какой-то человек:
— Антоша!.. Ты ли? Здравствуй, брат!
Вот это встреча!.. Как я рад!..

Антон Фомич вздохнул невольно:
«Что за восторженный чудак?»
Ну да, конечно,
старый школьный
Его товарищ и земляк!

А тот болтал без остановки:
— Сейчас я здесь в командировке,
Перебираюсь, брат, в Москву!
Пока один, жена ждёт сына!
Как ты живёшь, скажи?
— Живу...
Где, чёрт возьми, моя машина?..

А старый друг-провинциал
Уже о прошлом вспоминал:

— Ты помнишь дочь Смирнова Васи?
Она уже в десятом классе!

У Светловидова у Пети
Два сына в университете!

Володя Власов стал отцом,
Самсонов — оперным певцом...

Антон Фомич смотрел на крыши
И слушал, ничего не слыша,
Цедя сквозь зубы иногда
Многозначительное «М-да!»

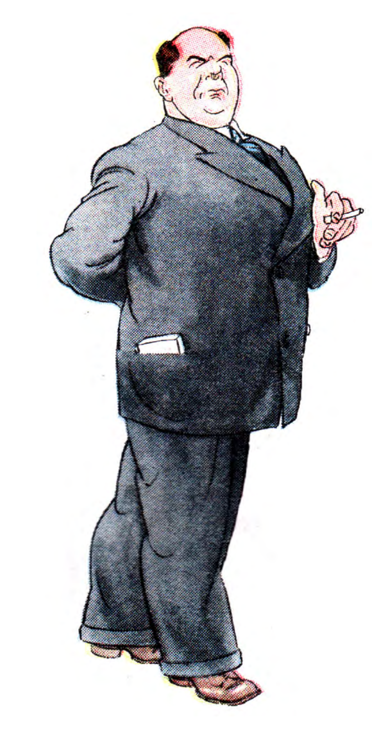
Но вот жена...
Нахмурив брови,
Прервав рассказ на полуслове,
Промямлив как бы в оправданье:
— Прости, спешу на заседанье! —
Он укатил...
У земляка
Повисла в воздухе рука!

* * *

Антон Фомич довольно быстро
Забыл об этой встрече...
Вдруг
Он узнаёт: тот самый друг
Уж десять дней как замминистра!

Окаменел Антон Фомич.
С ним мог случиться паралич!
Багровый от стыда и злости,
Он в кресло грохнулся без сил:
— А я-то, я-то даже в гости
Его к себе не пригласил!..

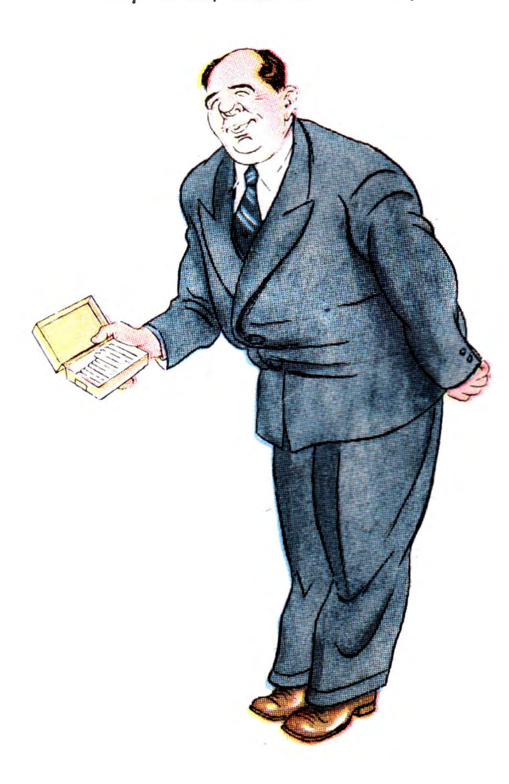
Растяпа!.. Шляпа!.. Старый хрыч! —
Свирепо по столу стуча,
Отчитывал Антон Фомич
Себя, Антона Фомича.

* * *

Дано судить о людях нам
По их поступкам ежедневным,
По их уму,
по их делам,
По разным качествам душевным,
По сокровенной их мечте,
По их стремленьям, убежденьям,
По их горячим увлеченьям,
По их сердечной доброте...

Антон Фомич судил иначе,
Судил по загородной даче,
По множеству других примет:
Хорош ли, плох ли кабинет,

И по машине прикреплённой,
И по шофёру в том числе...
Всё принимал он во вниманье:
Родство,
оклад,
знакомства,
званье
И даже сколько телефонов
Стоит на письменном столе.

Тех, у кого был лишь «Москвич»,
Не уважал Антон Фомич.

Тот, кто в «Победе» ездил личной,
Был человек вполне приличный.

Кто «ЗИС» имел иль, скажем, «ЗИМ»,
Был для него неотразим.

Ведь у него обычно было
Для всех людей одно мерило,
Он доверял одним весам:
Мерилом этим был он сам.
Он сам себе был эталоном,
И всех людей он разделил
На тех, кто был над ним, Антоном,
И кто под ним, Антоном, был.

Одних, кто был побольше весом,
Встречал всегда он с интересом.

Других, кто в весе подкачал,
Когда встречал,
не замечал.
Терпеть не мог Антон Фомич
Всех под одну гребёнку стричь.

Чутьё его не подводило.
Подвёл земляк!.. Сердечен, прост, —
Нельзя себе представить было,
Что он займёт высокий пост!

Вот почему случилось так,
Что наш герой попал впросак.

* * *

Мы тут закончили б, но как-то
Нам встретился один редактор.
Мы попросили, чтобы он
Прослушал этот фельетон.
Редактор, поглядев угрюмо,
Спросил:
— Опять сатира? Юмор?

Мы стали было объяснять,
Что наша цель — разоблачать,
Разоблачать неутомимо.
А он смотрел куда-то мимо,
Цедя сквозь зубы иногда
Многозначительное «М-да!..»

Он слушал, ничего не слыша:
Мы были ниже,
он был выше.
Мы говорили, он молчал,
Был отделён от нас стеною:
Редактор этот всё смешное,
Когда встречал,
не замечал.
Потом он буркнул: — До свиданья!
Спешу, простите... заседанье!
Я думал, что у вас стихи,
А вы опять «ха-ха», «хи-хи».

Мы промолчали. Что за дичь?
Ещё один Антон Фомич!

Рис. Б. ЗЕЛЕНСКОГО

НЬЮТОН: — Оказывается, кроме моего, есть ещё новый закон всемирного тяготения!

НА БОЙКОМ МЕСТЕ

НАЧИНАЮЩИЙ автор, председатель колхоза «Союз строителей», Герой Социалистического Труда Александр Константинович Куклин перешагнул порог трёхэтажного дома и в нерешительности остановился. Направо темнел узкий лаз в подвал. Налево виднелась выбитая в стене ниша. С трудом отыскав в темноте лестницу, Александр Константинович поднялся на второй этаж и очутился в коридоре со множеством дверей и поворотов.

Александр Константинович долго блуждал по тёмному и шумному коридору. Наконец он открыл дверь в крохотную комнатушку, где за четырьмя столами сидело восемь человек.

— Здесь Новосибирское областное издательство? — осведомился начинающий автор.

— Здесь! Милости просим, товарищ Куклин! Но не заходите! Из комнаты поспешно вышла женщина.

— Я редактор вашей книги,— представилась она.— Очень рада вас видеть. Пойдёмте потолкуем в коридоре!

— Вы со всеми авторами беседуете в коридоре?

— Со всеми!

— Стало быть, я не первый?

— Не первый и, к сожалению, не последний! Если быть точной, вы сто семьдесят седьмой!

— Вот как!

— Не удивляйтесь! В прошлом году мы выпустили сто семьдесят шесть книг и со всеми авторами беседовали здесь. Прошу вас, станьте сюда, в этот угол...

— Давненько не хаживал в угол,— меланхолически заметил председатель.— Но чего только не сделаешь ради литературы!

— Да, — вздохнула редактор. — Литература требует жертв... С чего мы начнём наше творческое собеседование?

— Я думаю, с плана книги. Я полагаю, что книга может состоять примерно из следующих разделов...

— Эх-ма, взяли! Ещё раз взяли! — прокричали совсем рядом.— Ну-ка, дружно!

Автор зажёг спичку. Трое рабочих волокли по коридору огромный ящик.

— Придётся подождать,— сказала редактор.— В «Автоснаб» прибыли запасные части.

Когда с запасными частями было покончено, Александр Константинович сказал:

— Стало быть, план книги представляется мне...

— Слава, Толя, Боря, сюда!

Коридор заполнился рослыми молодыми людьми в тренировочных костюмах.

— Спортсмены общества «Искра»,— пояснила редактор.— Сейчас они начнут обсуждать тактический план предстоящей хоккейной встречи. Нам придётся повременить...

После жарких дебатов спортсмены ушли, и автор без особого энтузиазма начал в третий раз:

— План моей книги...

— Три зразы! Один гуляш! Два компота! — прогремел чей-то бас.

— Столовая № 19 начала работать,— любезно сообщила редактор.

— Пару пива! Шницель! Солянку обыкновенную!

— А не лучше ли нам встретиться не в таком бойком месте? — спросил автор.

Творческий разговор автора и редактора так и не состоялся, о чём и доводим до сведения Новосибирского облисполкома, который неоднократно обещал областному издательству создать нормальные условия для работы.

В. ПУХНАЧЕВ. Н. ШАГУРИН

г. Новосибирск.

Рис. А. КРЫЛОВА

В Вене 85 процентов музыкантов — безработные.

В американизированной Вене музыка звучит на каждом шагу.

МИСТЕР ДЕФИЦИТ

Дефицит — слово латинское, и означает оно пренеприятное явление — превышение расходов над доходами. Начиная с древнего Рима, подарившего миру этот горький финансовый термин, и даже раньше эксплуататорские государства обнаруживали стремление жить не по карману.

В своё время королева Мария-Антуанетта, супруга Людовика XVI, умело и настойчиво разоряла Францию. Народ с чисто галльским остроумием прозвал её «мадам Дефицит» и при первой представившейся возможности гильотинировал.

Но мадам Дефицит была просто девочкой, играющей в куклы, по сравнению с нынешним мистером Дефицитом.

Кто же такой мистер Дефицит?

Это — одно из многих проявлений некоего единства, включающего монополии, войну и сверхприбыли.

Мистер Дефицит быстро растёт и прибавляет в весе. Скоро он, пользуясь жаргоном бизнесменов, «будет стоить» десятки миллиардов долларов. Уже в этом бюджетном году дефицит США достигнет 18 миллиардов долларов.

«Война — это бизнес Америки, — заявил недавно отставной американский генерал Холдридж. — «Концерн убийств» стал нашим главным предприятием, в которое мы вкладываем 100 миллиардов долларов ежегодно».

Зловещей тенью мечется мистер Дефицит по городам и селениям Америки. Он врывается в лачуги рабочих. Его сопровождают нищета и голод.

Чтобы теперь жить в Америке, как до войны, утверждает деловито журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», необходимо удвоить свой заработок. Где проходит черта благополучия, за которой перестают умирать от истощения дети американских рабочих, журнал не указывает. Вопреки ясному, исчерпывающему совету журнала, три четверти населения США не могут обеспечить себе даже официального полуголодного прожиточного минимума. Ибо заработная плата американских рабочих «заморожена» так, что повысить её труднее, чем вырастить ананасы на Северном полюсе.

Мистер Дефицит вламывается к фермеру, и ферма тотчас идёт с молотка. Большой Бизнес в ближайшем будущем сгонит с земли ещё 4 миллиона мелких фермеров, хозяйства которых он «признал» нерентабельными.

Козлобородый джентльмен в полосатых штанах с довольной улыбкой рассматривает зажатую в руке половинку доллара. Остальную часть этой «самой устойчивой в мире валюты» отгрызла инфляция. Дядя Сэм радуется, что, уплачивая доллар, он 52 цента из 100 направляет на увеличение прибылей.

Болтливый адвокат мистера Дефицита американский финансист Моультон, защищая своего клиента от нападок, с пеной у рта убеждает, что дефицит — «основа процветания нации». Это «процветание» своеобразное: для трудящихся — рост налогов и цен, для капиталистов — новые прибыли от процентов по займам государству. В сейфы американских банкиров в этом бюджетном году попадёт 6 миллиардов долларов таких процентов.

Когда мистер Дефицит забегает с почтительным визитом на Уолл-стрит, он, как оборотень, становится мистером Дивидендом. За шесть послевоенных лет сверхприбыли американских монополий выросли в восемь раз по сравнению с шестью довоенными годами и достигли астрономической цифры в 208 миллиардов долларов.

Беспокойному мистеру Дефициту не сидится дома, в Америке. Он не забывает и маршаллизованные страны.

«Время — деньги!» — гласит английская пословица. Было время — были деньги. Теперь не то! В этом бюджетном году дефицит Англии достигнет 500 миллионов фунтов стерлингов, а по всей стерлинговой зоне — 1 500 миллионов фунтов. Невольно скажешь: «Вот так фунт!»

Турция сообразно своим скромным возможностям успокоилась на дефиците в несколько сот миллионов турецких лир. Со своей стороны, Италия довела дефицит до 400 миллиардов итальянских лир.

Нет, никак не назовёшь эти обесцененные лиры сладкозвучными!

Дефицит Франции взвился выше Эйфелевой башни и летит к звёздам. В этом году он достигнет головокружительной высоты в полтора триллиона франков.

В небольшой статейке американский журнал «Тайм» вскользь сообщил, что Версальский дворец окончательно сгнил (что, впрочем, характерно для всего буржуазного строя Франции) и скоро рассыплется, как карточный домик. Версаль... Как много связано с ним в памяти французов! Для буржуа — воспоминания о былом великолепии королевского двора. Для народа — славные дни Великой революции, свергшей короля-тирана. И вот Версалю приходит конец. Французское правительство — послушный исполнитель американизированного военного бюджета — не может наскрести ни одного сантима, чтобы спасти Версаль. Единственный щедрый дар на починку Версаля, в 600 тысяч долларов, поступил от игорного притона, пользующегося особым покровительством властей.

Памятник французской истории, материальной культуры талантливого народа на иждивении притонодержателей! Вот до чего доводит дружба с дядей Сэмом!

Империализм и дефицит в наши дни неразлучны. Гербы капиталистических стран следовало бы украсить изображением дырявого мешка с латинской надписью «Deficit», мешка, из которого народные деньги текут через бюджетную дыру в карманы монополистов. Геральдика, наука о гербах, вряд ли сможет опротестовать этот проект.

Г. ТОПОРКОВ

Сергей ШВЕЦОВ

ПЧЕЛА И МУРАВЕЙ

(БАСНЯ)

Американцы сбрасывают с самолётов вместе с другими насекомыми пчёл и муравьёв, заражённых смертоносными бактериями.

Один холерный муравей
Беседовал с пчелой чумною:
— Как надругался надо мною
Палач Кореи — Риджуэй!
Как изменилась жизнь моя
С её миролюбивым бытом:
Был честным тружеником я,
А стал гнуснейшим паразитом!
— Творятся страшные дела!—
Сказала муравью пчела.—
Мне чудный дар дала природа,
Меня принять был всякий рад,
А ныне людям вместо мёда
Я приношу смертельный яд!

— Нас опозорили, сестрица,
Втянули в грязную войну...
Чтоб искупить свою вину,
Домой должны мы
возвратиться
И отплатить за всех тому,
Кто нам посмел привить чуму!

* * *

У этой басни смысл богатый:
Преступной устыдясь войны,
Вот так бы рассуждать должны
Американские солдаты!

Гангстеры с клюшками

НЕ ЗРЯ понедельник считается тяжёлым днём. Недавно эта старинная примета подтвердилась ещё раз. Особенно тяжело было в понедельник 10 марта спортсменам шведского города Сундсвалля.

Известно, что американцы играют в хоккей по своим собственным правилам. Ломая традиции, они «новаторски» вносят в хоккей элементы бокса, кулачного боя, вольной борьбы, а при удобном случае снисходят и до обыкновенной драки.

Наиболее полно и разносторонне игру по этим правилам они продемонстрировали в столице Норвегии Осло во время зимней олимпиады. Здесь на ледяном поле они так мастерски сочетали спорт с дракой, что даже верноподданная газета «Арбейдербладет», орган правительственной рабочей партии, позволила себе побрюзжать: «Было бы лучше, если бы американцы остались дома».

Американцы, разумеется, не вняли газетному писку. Наоборот, они решили продемонстрировать своё искусство ещё раз, уже в Швеции.

В понедельник 10 марта американская хоккейная команда высыпала на ледяное поле в шведском городе Сундсвалле. Раздался свисток судьи, и «игра» началась. С первых же минут американские игроки начали детально знакомить шведов со своими правилами состязания. Уже в первом периоде один из заморских спортсменов, обнаружив у шведского игрока антиамериканскую попытку защитить свои ворота, несколько раз двинул его кулаком по лицу. Будучи недостаточно знаком с американским хоккеем, наивный швед попытался обороняться, но тогда в «игру» оперативно включилась вся американская команда. В воздухе замелькали клюшки, кулаки, послышались звонкие пощёчины.

Защитник американской команды, использовав выгодный момент, нокаутировал одного из шведов. В это время другой американский хоккеист, действуя клюшкой, как секирой, пробивался к воротам хозяев поля. Один из шведов оказался в нокдауне, другой, получив вразумляющий удар по голове и лёжа на льду, постепенно начинал осмысливать американские правила.

В этот момент судья, оправившись от первого потрясения, решил остановить побоище и удалить с поля нескольких американцев, наиболее рьяно пропагандировавших заморские правила. Однако американцы смотрели на дело иначе. Они отнюдь не собирались покидать поле. Наоборот, убедившись, что судья ещё недостаточно освоился с их системой игры, они усердно начали знакомить его со всеми тонкостями американского хоккея. На этот раз американцы так же широко использовали боксёрские приёмы.

В отличие от норвежского правительства, которое покорно сносит любые американские оплеухи, жители города Сундсвалля гневно негодовали по поводу поведения американских «спортсменов». Возмущение зрителей было настолько велико, что, как сообщал корреспондент газеты «Экспрессен», публика пожелала выпроводить американцев из города на первом попавшемся самолёте.

К сожалению, самолёта поблизости не оказалось. И американцы под заботливой охраной полиции были доставлены к ожидавшему их автобусу.

Так закончилась эта «игра», счёт в которой определялся не количеством забитых голов, а количеством разбитых голо́в.

Описывая побоище на стадионе города Сундсвалля, корреспондент газеты «Афтонтиднинген», между прочим, заметил: «Худшего зрелища во время игры в хоккей, очевидно, никогда не видели на этих широтах, и худшей игры, повидимому, никогда не увидят».

Насчёт того, что худшей игры не видели, корреспондент прав. А вот насчёт того, что не увидят, — не совсем. До тех пор, пока шведское правительство будет любезно предоставлять свои стадионы для гастролей американских гангстеров с клюшками, от них можно ожидать ещё и не того, что они продемонстрировали в понедельник 10 марта.

Вл. НОВОСКОЛЬЦЕВ

КОРОТКО, НО ЯСНО...

На днях японское радио задало своим слушателям каверзный вопрос: «Уменьшится ли престиж американцев в глазах японцев после осуществления сан-францисского мирного договора?»

Слушатели крепко призадумались. С одной стороны, конечно, престиж должен уменьшиться. Но, с другой стороны, как может уменьшиться то, чего никогда не существовало?

Президент Кубы генерал Батиста недавно заявил представителям печати, что он надеется «искоренить коммунизм на Кубе путём социальной справедливости и расширения демократии».

Журналисты засмеялись было, но тут же спохватились: этак, чего доброго, можно и «социальной справедливости» подвергнуться! Тем более, что уж если президент пообещал «расширить демократию», значит, тюремных одиночек хватит на всех.

Рис. Л. СОЙФЕРТИСА

Многие немецкие военные преступники отбывают наказание под домашним арестом.

— Марта, я буду отбывать заключение на дому! Приготовь мне соответствующий тюремный режим, так как я стал избалованным человеком!

Д. БЕЛЯЕВ

Иллюстрации Г. ВАЛЬКА

Как мыши кота хоронили

ТРАГИКОМЕДИЯ

Утро. Уборщица выносит из учрежденческого коридора последнюю корзину мусора. Озираясь по сторонам, входит **Лариков** с большим бумажным свитком. Торопливо, опять-таки оглядываясь по сторонам, Лариков развёртывает свиток, быстро прикрепляет на стену и прячется за угол коридора.

Перед зрителями красочно оформленная сатирическая стенная газета «Крокодил». Среди карикатур привлекает внимание изображение чёрного кота. Кот аппетитно уплетает из тарелки лакомство. Рядом с ним безоязненно расположилась мышь и кушает из той же тарелки. Вторая мышь, пугливо высунувшись из щели, говорит первой:

— Удирай скорей! Кот тебя съест!

— Ерунда! Я его угощаю,— отвечает первая и продолжает пиршество с чёрным котом.

Над карикатурой заголовок: «Посвящается некоторым ревизорам».

Часы бьют девять. Один за другим появляются сотрудники учреждения. Останавливаются у стенгазеты, смотрят, читают, смеются.

Первый сотрудник:
Вот здорово!

Второй:
Смешно и остроумно!

Третий:
И кой-кому не в бровь, а прямо в глаз.

Четвёртый:
Но кот-то, кот каков? Ха-ха!

Пятый:
И мышь — хитрюга!

Шестой:
Вот только бы фамилию проставить
Да к прокурору и кота и мышь.

Седьмой:
Ну, молодцы ребята! Стенгазету
Остро и смело делают. Редактор...
А вот и он! Привет тебе, привет!

Польщённый Лариков выходит из-за угла, кланяется и здоровается. Ему жмут руки и расходятся по своим комнатам. Лариков, довольный, смотрит на газету. В конце коридора появляется фигура. Лариков снова прячется за угол. Фигура медленно и важно подходит к стенгазете. Читает. Чело фигуры темнеет. Потом багровеет. Сейчас можно узнать, что это товарищ **Сальков**.

Сальков (*один у стенгазеты*):
Достиг я высшей власти.
Давненько я начальствую в отделе,
Но счастья нет душе моей. Напрасно
Стараюсь я казаться справедливым
И уважающим печать и самокритику...
Печать! Добро б солидная центральная газета
Критиковала. Ну, а тут какая-то стенная...
Ах, чёрт возьми, не нравится мне этот
Лукавый чёрный кот! И на кого намёк?
Ух!.. Взять бы да... Уйду! Не могу видеть!
(*Уходит в свой кабинет. Из-за угла показывается Лариков. Он бледен.*)

Лариков:
Гроза в начале февраля! О боже,
Спаси мя и помилуй! Как он страшен!
Как грозен лик его! А впрочем,
Послушаем, что ещё там...
(*Подходит к двери кабинета Салькова и слушает.*)
Он рвёт и мечет.
Чернильницей стучит, и топает ногами,
И всё кота, кота шерстит напропалую.
И дёрнула ж нелёгкая меня связаться
С котом подкупленным. Опять идёт сюда.
(*Лариков снова прячется за угол. Входит Сальков.*)

Сальков:
Ах! Чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... Едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над тёмной клеветою.
Но если в ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда — беда! Как язвой моровой,
Душа сгорит, нальётся сердце ядом...
Как молотком, стучит в ушах намёк;
Покоя нет, и голова кружится,
И мальчики газетные в глазах,
И чёрный кот, как призрак беспощадный,
В воображенье точно бы живой...
(*Вплотную приближается к стенгазете.*)
Гляжу я на тебя и ненавижу,
А насмотреться вдоволь не могу;
Сорвать хотел бы, но... Что делать?..
Чего придумать? И к чему придраться,
Чтоб мальчиков газетных высечь?
Погоди!..
Ведь кот-то чёрный?! Чёрный!! Вот идея!
(*Заметив высунувшегося из-за угла Ларикова.*)
А, вот и ты! Ну, лёгок на помине.
Ответствуй мне: знать, ты кота придумал?

Лариков:
Кота? Не я... Ей богу! Это всё
Батрак и Лобза... Я же, видит бог...

Сальков:
Ну и молись ему
в последний раз, редактор,
Ты знаешь ли, что значит
чёрный кот
И чёрный цвет?

Лариков:
Н-н-не знаю.

Сальков:
Ну, так знай:
Цвет чёрный — цвет
реакции. Понятно?
Нельзя советского кота
изображать
Такой сгущённо-чёрной
краской,
Как лорда или там
банкира с Уолл-стрита!
Неправильно!
Антипартийно!!
Безидейно!!!
Сними газету враз, пока
не поздно.

Лариков (*робко*):
Но... но партийный
секретарь товарищ Лосев
Одобрил...

Сальков:
Снять, тебе я говорю!

Лариков:
Притом же чёрный кот, извольте знать,
Был вырезан из Крокодила
Московского...

Сальков:
Так ты ещё перечить?
Да я тебя!.. В райком, в горком,
в политотдел поеду!
В бараний рог!..

Лариков:
Смените гнев на милость!
Я слушаюсь! И тотчас же снимаю.
(*Лариков поспешно снимает и свёртывает стенную газету.*)

* * *

Занавес не закрывается. Сейчас мы покажем действующих лиц.

Действие происходило в гор. Ясиноватая, в дорожном управлении рабочего снабжения (ДОРУРС) Южно-Донецкой железной дороги, от работников которого мы получили следующее письмо:

«Третий год у нас выпускается стенная сатирическая газета «Крокодил». Она не всем нравится. Некоторые товарищи, которых критикует газета, ищут предлога и делают попытки обеззубить её...

Февральский номер нашей газеты был посвящён итогам работы орсов нашей дороги. Наряду с другими карикатурами был воспроизведён рисунок из вашего журнала, где нарисован чёрный кот, который угощает мышь. И вот начальник сельскохозяйственного отдела тов. Сальков Михаил Терентьевич пришёл к столь же странному, сколь и неожиданно оригинальному выводу, громогласно заявив, что чёрного кота нельзя рисовать чёрной краской, что чёрный цвет — это реакционный цвет, им можно изображать только империалистов, и предложил снять стенную газету. Редактор стенгазеты, довольно трусливый тов. Лариков, вопреки мнению секретаря парторганизации тов. Лосева, согласился с мнением тов. Салькова и газету с чёрным котом снял. Так вот и похоронили кота, то бишь критику и самокритику.

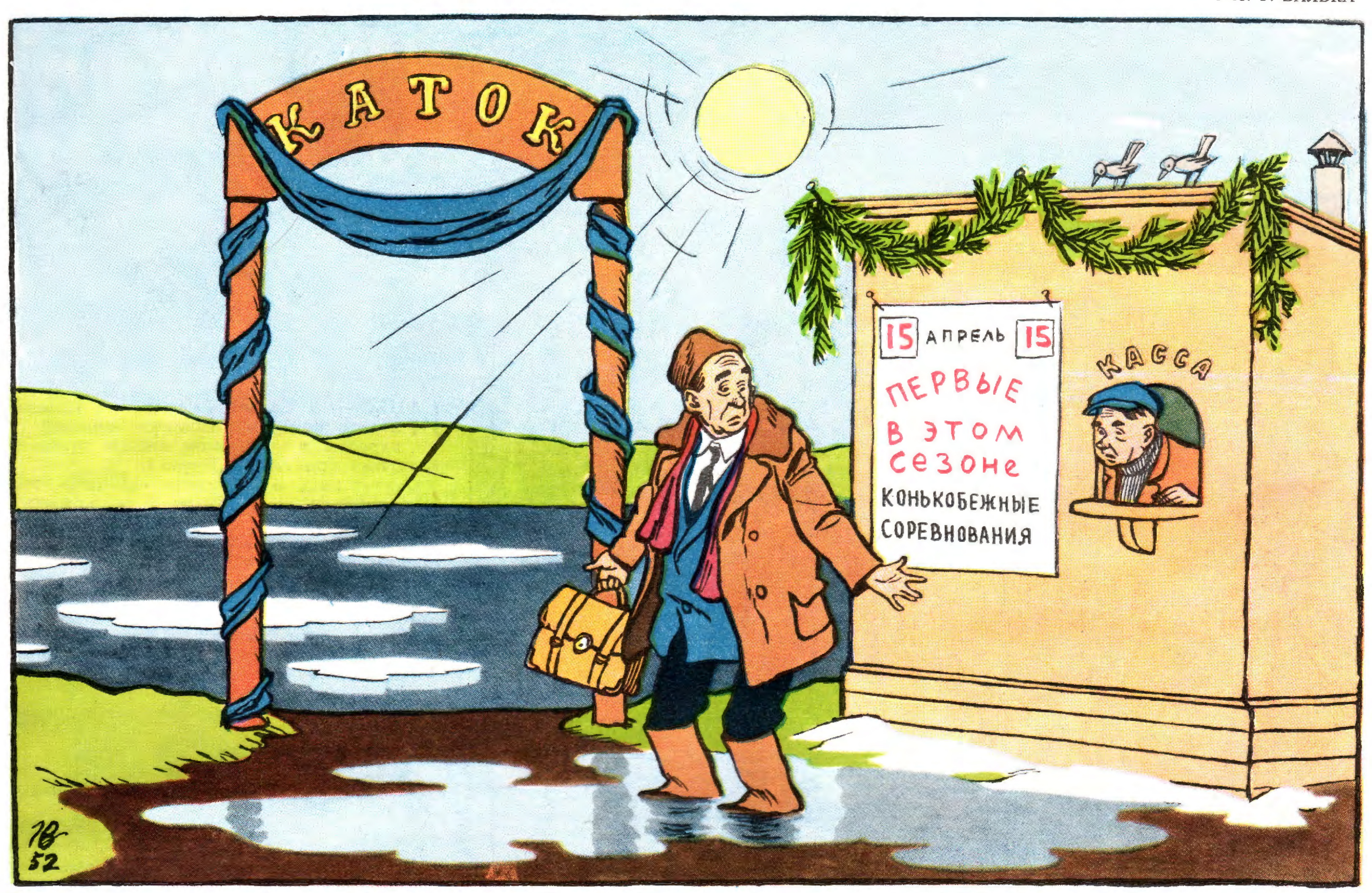
Это, кстати, с нашей газетой происходит не первый раз. И каждый раз в таких случаях пугливый редактор всячески открещивается от газеты и всю «вину» сваливает на тов. Батрак (заместитель редактора) и на тов. Лобзу (член редколлегии).

Нам бы хотелось знать: какое имели право товарищи Сальков и Лариков хоронить чёрного кота, а вместе с ним и стенную газету?»

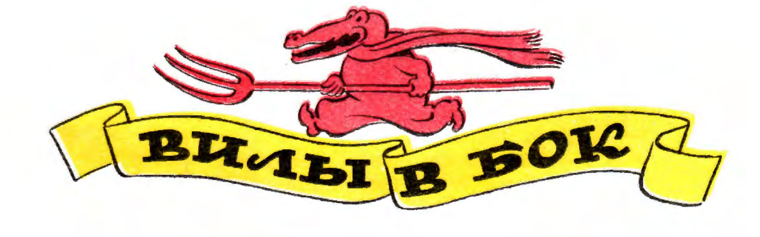
Вот теперь занавес можно закрыть. На время. Откроет его, видимо, политотдел Южно-Донецкой железной дороги.

КТО МОГ ПРЕДВИДЕТЬ!

Рис. Г. ВАЛЬКА

— Расчистили прекрасный каток, наметили открытие сезона, сдачу норм «ГТО», состязания по хоккею, карнавал на льду... и вдруг — на тебе — вскрылась река!

КОГДА УТОПАЮЩИЙ ХВАТАЕТСЯ ЗА ЩЕПУ

В ноябре прошлого года работники Березниковского азотно-тукового завода обратились в Министерство химической промышленности СССР с просьбой прислать к открытию навигации 50 спасательных кругов.

Из Главазота пришло успокоительное письмо: щепа для кругов отгружена из Одессы. А несколькими днями позже начальник отдела снабжения Главазота тов. Мусатов заботливо довёл до сведения работников завода, что щепа наконец получена и «изыскиваются возможности изготовления спасательных кругов».

Работники азотно-тукового завода считали себя почти готовыми к навигации.

И вдруг... в адрес завода вместо обещанных кругов прибыло 153 килограмма щепы. «Утопающий и за соломинку хватается», — гласит пословица. Теперь благодаря Главазоту утопающие будут хвататься за щепу!

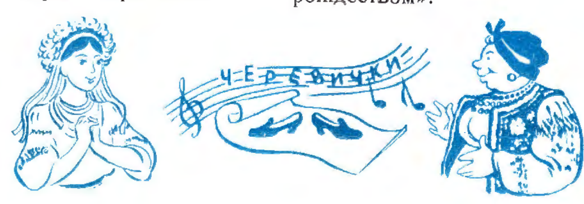
ЮБИЛЕЙНОЕ

Составители программы юбилейного концерта, посвящённого 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя, в городе Грозном утверждают, что Хивря и Парася — персонажи оперы «Черевички».

И чего только не может случиться в ночь перед рождеством!

А не может случиться, чтобы в опере «Черевички», написанной П. И. Чайковским по повести «Ночь перед рождеством», пели Парася и Хивря. Эти герои, как говорится, совсем из другой оперы, под названием «Сорочинская ярмарка», музыка которой написана М. П. Мусоргским.

Нет, совсем не все превращения происходят только в «Ночь перед рождеством»!

Иллюстрации Ю. ФЕДОРОВА

УСТАРЕВШАЯ ПОСЛОВИЦА

«Беда, коль сапоги начнёт тачать пирожник»... Пословица эта покажется явно устаревшей, если прочитать объявление, помещённое в № 44 (2162) газеты «Советская Молдавия»:

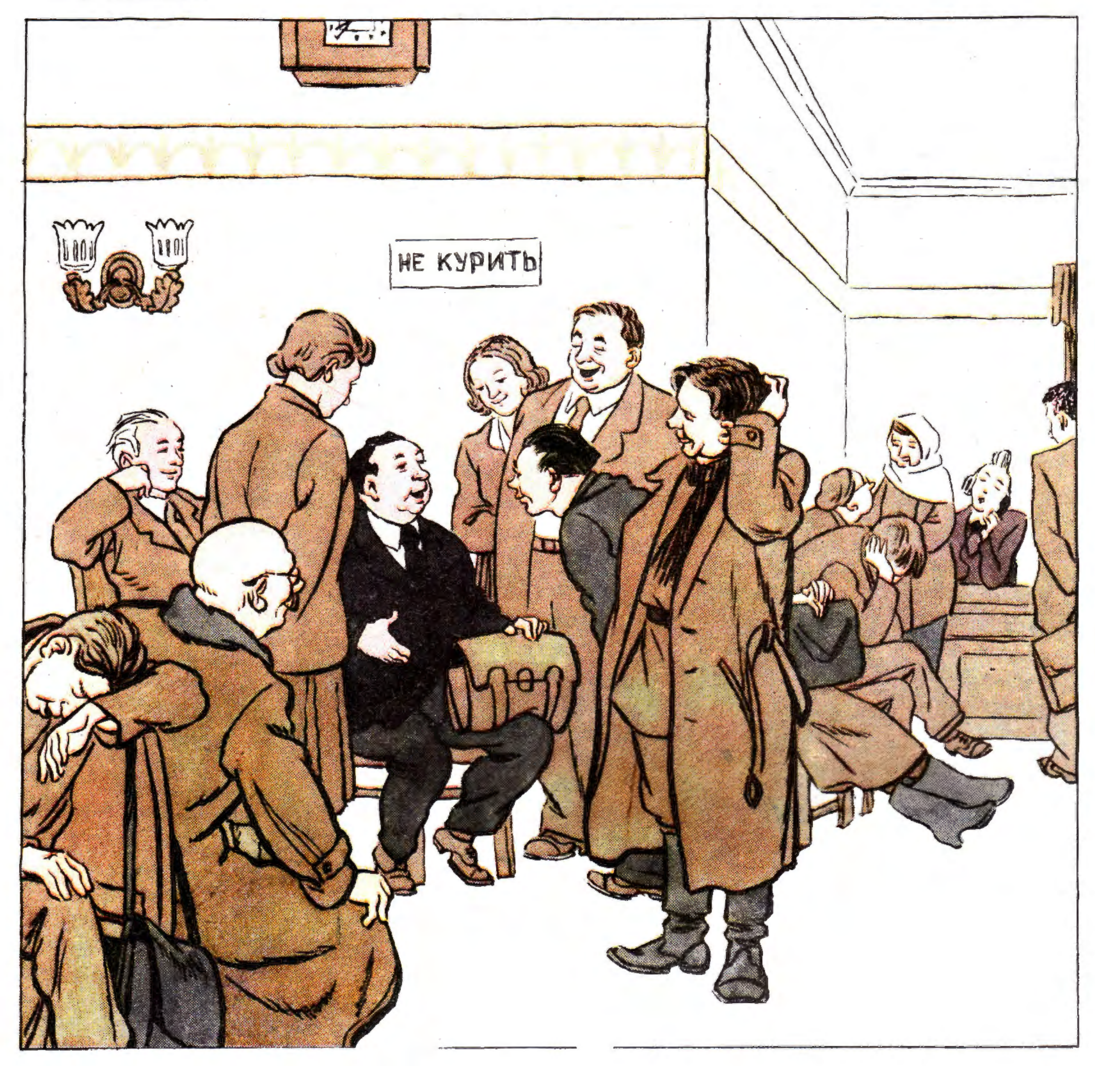
Григориопольскому райпромкомбинату для работы в швейной мастерской требуются: квалифицированный закройщик, мастер по выработке гончарной посуды.

Что будет делать гончар в швейной мастерской, неизвестно. Для консультации по этому вопросу нужно обратиться в редакцию газеты. Там, возможно, найдётся специалист, который научит гончарного мастера не только шить посуду или изготовлять модельные платья из глины, но и тачать сапоги.

РАССКАЗ СТАРОЖИЛА

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

— Хотите — верьте, хотите — нет, а однажды я сразу попал на приём к здешнему заведующему!

КАК НИ СТРАННО, НО...

...кроме обычных и високосных, бывают ещё, оказывается, сверхвисокосные годы. Это точно установлено Алтайским краевым управлением сельского хозяйства. Особым циркуляром управление предложило машинно-тракторным станциям выслать справку о кадрах к 30 февраля. Циркуляр подписан заместителем начальника управления тов. Постниковым. Ему и следует, видимо, адресовать поздравления по поводу выдающегося астрономического открытия.

...известный шашист тов. Кугель растерянно краснеет, когда его спрашивают об одержанных успехах. С одной стороны, как-то неловко противоречить журналу «Шахматы в СССР», который назвал его «победителем первенства Нижне-Тагильской области». А с другой, — кому же охота именоваться чемпионом выдуманной территории! Вот он и краснеет. Не за себя, конечно, а за свой руководящий журнал.

...товар по накладной № 669501, отгруженный 16 февраля 1952 года из Воронежа в адрес Добринского райпотребсоюза, прибыл на место назначения только 29 февраля, хотя до Добринки всего-навсего 100 километров.

Как известно, за последние годы у нас изобретены шагающие экскаваторы, шагающие башенные краны.

Но вот шагающие поезда — это уже местная новинка Юго-Восточной железной дороги.

...отвечая на полученные претензии, некий подписывающийся неразборчиво работник Рязанского книготорга советует «лучше помалкивать, чтобы не морочить головы другим». И вот граждане, попрежнему не получающие выписанных книг, просят выяснить: кто это их так вежливо уму-разуму учит? Приводим для опознания его автограф:

ТРАГИЧЕСКИЕ СЕКУНДЫ

Инженер Сергей Васильевич Ковешников потерял записную книжку с адресом и телефоном своего друга, к которому приехал из Курска.

Очутившись в гостинице «Москва», инженер бросился к телефону и трепетно набрал 09 — справочную личного и общественного пользования Московского центрального телефонного узла.

— Справочная 09 отвечает,— услышал он.

— Мне надо... Алло!.. Вы слушаете?

Но его никто уже не слушал. Инженер положил трубку, снова поднял её и опять набрал 09.

— 09! Быстрее! Что желаете?

— Я желаю телефон Петра Ивановича Лебедева!

— Арбатсемцатпят!

— А?! Что?!.

— Арбатмцатосепять! — той же скороговоркой ответили ему и умолкли.

Инженер выпил воды, походил по комнате и опять набрал 09.

— Личный телефон Петра Ивановича Лебедева!

— Арбаттрицкомод!

— Повторите! Не разобрал!

Ответа не последовало. Инженер, вскипая гневом, грубо схватил телефонную трубку.

— Бессовестная!! — крикнул он. — Бездушные люди, а не работники!.. Соедините меня с вашим начальником, иначе...

— Вас слушает заведующая телефонным залом Усачева,— раздался спокойный голос. — Что вы желаете?

— Я желаю личный телефон Петра Ивановича Лебедева!

— Арбат (буква Г) 7-34-85, — последовал ответ. — Повторяю: Арбат (буква Г) 7-34-85.

— Ах! — обрадованно вздохнул инженер. — Благодарю вас, но... позвольте спросить...

— Пожалуйста! Пожалуйста!

— Почему так хорошо отвечаете вы и так ужасно отвечают телефонистки?

— У них... ограничено время для ответа. Секунды на счету...

— Скажите, сколько...

Ответа не последовало.

— Трагические секунды! — определил инженер. — Кто же это сумел столь уродливо превратить спокойные и добрые секунды времени в трагические? Кто?

И он снова набрал 09.

— Скажите: сколько секунд положено для ответа абоненту? На каком основании...

— НаоснованиираспоряженияззаместителяминистрасвязиСССРтоварищаКлокова предложениякомиссиидиректорЦентральноготелефонногоузлаАлексеевприказомот шестогоавгуста1951годаномер44установил среднеевремяисполнениязаказасправочной службы — 16,3 секунды. Ясно?

— Ясно! Время для ответа абоненту установлено 16,3 секунды. Не ясно одно: пользуется ли заместитель министра связи тов. Клоков услугами справочной 09?

Ответа не последовало.

С. ЧЕПЕЛЕВА

ВЕСНА В ПРОМТОВАРНОМ МАГАЗИНЕ

Рис. Бориса ЛЕО

Встретили исключительно тепло.

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Вернёшься из рейса домой и хлопот не оберёшься! То прибрать, то почистить, то помыть...
— И не говори! Только в поезде и отдыхаешь!

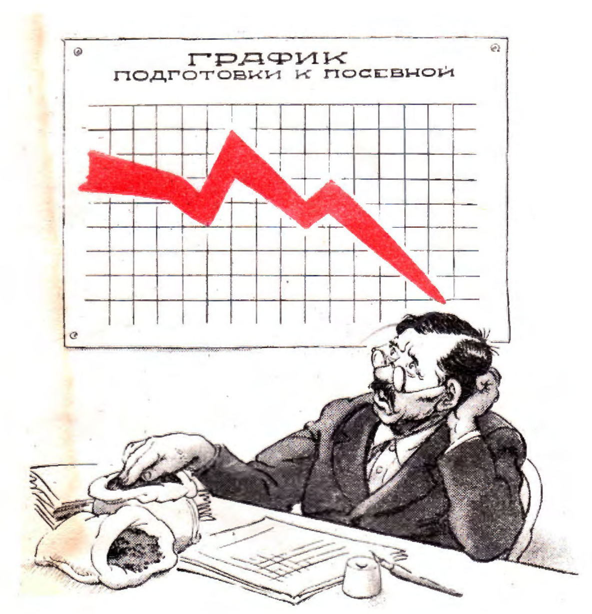

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

— Ох, и будет гром после такой молнии!..

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Рассуди, пожалуйста, так ли уж велика моя вина. Я получил от начальника Енисейского районного отделения кинофикации тов. Средова столь грозное послание, что не знаю, как и быть...

Наши колхозники трудятся на лесозаготовках в соседнем Енисейском леспромхозе. По их просьбе на лесоучастке побывали наши киномеханики и показали им несколько фильмов. Вот в связи с этим тов. Средов и прислал мне, как председателю исполкома Пировского районного совета, выговор. Да ещё предупредил: если, мол, наши киномеханики заявятся на его территорию, то уедут без аппаратуры и на них «ляжет большая ответственность».

Спору нет, нарушение границы — дело серьёзное. Но, может быть, и мою вину и вину киномехаников может смягчить то обстоятельство, что речь идёт всё-таки о границе между двумя районами одного края?

И. ВОЙТКЕВИЧ,
председатель исполкома райсовета

с. Пировское,
Красноярского края.

Товарищ Крокодил!

Позволь предупредить тебя об одном близящемся юбилее. В мае исполнится три года с того знаменательного дня, когда в Татарске, Новосибирской области, началось строительство стадиона. Если бы ты знал, какими темпами он строится!

Весной 1949 года наметили возвести вокруг будущего стадиона забор. К осени возвели. Зимой начали разбирать.

Когда грачи возвестили о весне 1950 года, решено было украсить спортивную территорию зелёными насаждениями и поставить футбольные ворота. За лето и то и другое одолели. А ближе к Новому году и саженцы и ворота исчезли.

В мае прошлого года признали грунт неподходящим и начали выравнивать землю катками. Этой капитальной работы хватило на весну, лето и осень.

Каков план строительства стадиона на 1952 год, пока ещё неизвестно. Но если трёхлетие строительства будет отмечаться, мы выдвигаем в состав юбилейной комиссии председателя исполкома горсовета тов. Сырникова, председателя городского комитета по делам физкультуры и спорта тов. Жмотова и секретаря горкома комсомола тов. Кузьменко.

М. ПЕРЕВОЗКИН,
инструктор добровольного спортивного общества «Локомотив»,
А. КУВАКИН,
Г. МИШКИН,
Г. АНТОШИН,
члены общества.

г. Татарск,
Новосибирской обл.

Уважаемый Крокодил!

Начальник управления Министерства юстиции по Пинской области тов. Чекрыгин стяжал своим нравом незавидную славу.

Этот поборник правосудия считает любое слово, исходящее из его уст, непреложным законом. Возражений он не терпит, а в выборе фраз стесняться не привык. Юрист Чекрыгин, например, полагает, что вправе «оторвать человеку голову или сделать из него ни более, ни менее, как... блин». Такие угрозы, вперемежку с громогласной бранью, частенько слышат от него подчинённые ему работники.

Пробовала обуздать этого грубияна от юстиции своим фельетоном областная газета «Полесская правда». Но где там!

— Негодяй! Выйди вон! — попрежнему несётся из кабинета начальника управления.

Не присоединишь ли ты, уважаемый Крокодил, к перьям местных корреспондентов и своё перо, а ещё лучше вилы?

В. ГРОМОВ

г. Пинск.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◇ В № 2 Крокодила была помещена заметка о том, что управляющий Гордеевским раймаслопромом (Брянская область) тов. Голофаст, желая сохранить отпущенные для премирования средства, наградил лучших работников скверными фотокарточками.

Тов. Голофаст за неудовлетворительное руководство соцсоревнованием и работой раймаслопрома с работы снят.

◇ В том же номере, в заметке «В полной потребности», Крокодил писал о безграмотности княжнинской районной газеты «Победа» (Горьковская область).

Княжнинский районный комитет ВКП(б) указал редактору газеты на невнимательное отношение к публикуемому материалу.

Приняты меры к повышению грамотности газетных работников.

◇ В заметке «Удачный младенец», помещённой в № 3, Крокодил писал о том, что торгующие организации недостаточно снабжают новый город Комсомольск-на-Волге необходимыми товарами.

Министерство торговли РСФСР в связи с заметкой в Крокодиле дало указание облторготделу увеличить завоз промтоваров в новый город.

◇ В № 4, в заметке «То ли заяц, то ль верблюд...», Крокодил показал фотоснимки плохих игрушек, выпускаемых для детей некоторыми артелями.

Работа артели «33-я годовщина Октября» была проверена президиумом Татразнопромсоюза. На виновных наложены взыскания. Недоброкачественные игрушки сняты с производства.

◇ Директор Махинджаурского детского дома (Аджарская АССР) Жгенти преступно относился к своим обязанностям. Персонал детского дома расхищал государственное имущество.

Об этих фактах стало известно Крокодилу.

Аджарский областной комитет КП(б) Грузии исключил Жгенти из рядов ВКП(б) и отстранил его от занимаемой должности.

Снята с работы заведующая учебной частью детского дома Жеребко. Заведующий хозяйством Ахвледиани и помощница повара Тигунцева привлечены к ответственности.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц

Москва. Изд. № 305. Подписано к печати 2/IV 1952 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 01363. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 833. Тираж 300 000 экз.

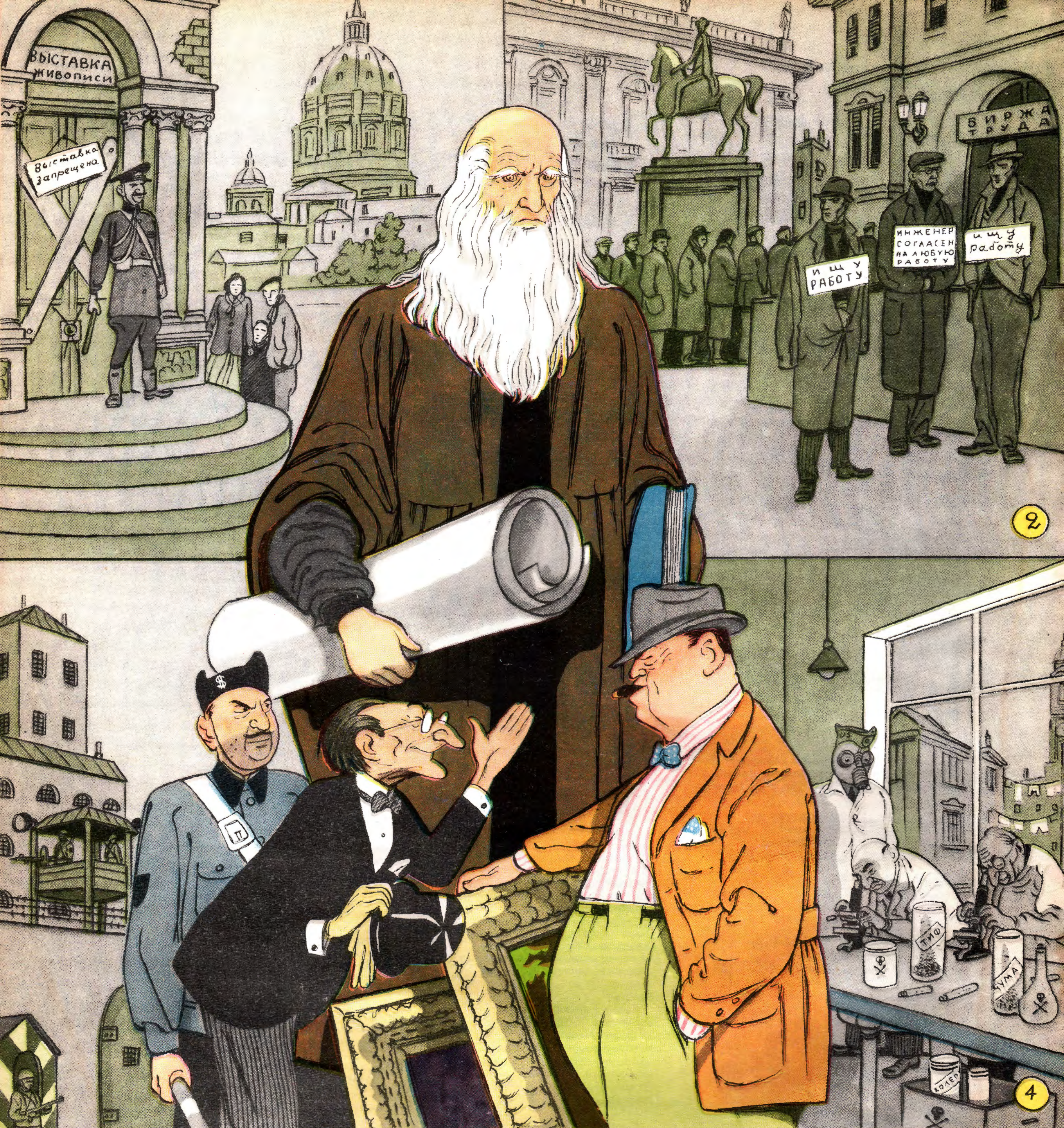

Рис. Ю. ГАНФА

ЮГ-52

Что случилось бы с Леонардо да Винчи, если бы он жил в современной Италии, которой управляет доверенное лицо американских банкиров господин де Гаспери!

Первый рисунок отвечает на вопрос о судьбе Леонардо да Винчи как художника. Выставить свои гениальные полотна для обозрения он не имел бы возможности: ведь выставки картин прогрессивных художников в современной Италии запрещены.

Судьба Леонардо да Винчи-инженера тоже была бы незавидной. Это показано на втором рисунке. В числе других талантливых итальянских инженеров стоял бы он в длинном хвосте безработных у ворот биржи труда.

Леонардо да Винчи — замечательный архитектор — тоже не нашёл бы применения своим способностям.

Взгляните на третий рисунок. Что строят в современной Италии! Только тюрьмы по типовому проекту, утверждённому и одобренному американскими банкирами.

И как учёный Леонардо да Винчи оказался бы сегодня не у дел (рисунок четвёртый). Вдохновенный средневековый гуманист не стал бы заражать мушек и мошек чумой и холерой для ведения бактериологической войны, какой бы паёк ни сулили ему за это вашингтонские заказчики.

Но что же в конце концов ожидало бы Леонардо да Винчи в современной Италии!

Это показано на заключительном рисунке. Господин де Гаспери попытался бы отдать Леонардо да Винчи со всеми его творениями за океан в уплату за пушки и танки, поставляемые американцами по «плану Маршалла»:

— Возьмите, мистер! Ей богу, недорого прошу!..

К счастью для всего передового человечества, от нынешних итальянских правителей «сие не зависит». Они не могут распоряжаться славой и гордостью Италии по той простой причине, что не имеют никакого отношения к талантливому и честному итальянскому народу.